

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН

ЛЕ ФАННЮ

*КОВАРНЫЙ ГОСТЬ И ДРУГИЕ
МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джозеф Шеридан Ле Фаню
**Коварный гость и другие
мистические истории**

«Издательство АСТ»

1870

УДК 821.111-82(417)
ББК 84(4Ирл)-44

Ле Фаню Д.

Коварный гость и другие мистические истории / Д. Ле Фаню —
«Издательство АСТ», 1870 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-173761-0

На страницах этого сборника читатели столкнутся с леденящими душу историями, которые погрузят их в мир потустороннего и необъяснимого. Темные тучи сгустились над древним поместьем ГрейФорест: семейство Марстон находится на грани разорения, а отношения между родственниками далеки от идеальных. Мрачное и безрадостное уединение обитателей замка нарушает визит богатого кузена Уинстена Беркли, привыкшего к роскошной жизни. Никто и представить не мог, какую цепочку трагических событий запустит визит незваного гостя...

УДК 821.111-82(417)

ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-17-173761-0

© Ле Фаню Д., 1870
© Издательство АСТ, 1870

Содержание

Коварный гость	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Коварный гость и другие

мистические истории

© Перевод. Л. Брилова, 2025

© Перевод. Н. Роговская, 2025

© Перевод. Е. Токарева, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Коварный гость

Похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть.

Послание Иакова 1:15.

Лет шестьдесят тому назад, милях в двадцати к югу от древнего города Честера, стоял большой особняк, уже тогда казавшийся старомодным. Вокруг него раскинулось обширное поместье. Оно славилось густыми вековыми лесами, но, помимо суровой торжественности высоких деревьев и живописных холмов, мало что могло привлечь взгляд случайного путника. Над домом витала аура небрежения и упадка, тягостного мрака и меланхолии. По ночам, казалось, тьма сгушалась там сильнее, чем в окрестных местах, а когда над лощинами и перелесками всходила луна, в ее свете они наливались зловещим мерцанием, какое можно увидеть разве что над заброшенным погостом. И даже когда над верхушками раскидистых деревьев вставало солнце, его розовые лучи не могли развеять уныния, наполнявшего сердце при виде столь грустного пейзажа.

Этому старинному, грустному, заброшенному месту мы дадим название Грей-Форест – для ясности. В те времена имение принадлежало младшему сыну некоего дворянина, когда-то прославленного за талант и отвагу, но давно отошедшего в те края, где человеческая мудрость и смелость не стоят ничего. Старший представитель сего благородного семейства проживал в фамильном особняке в Сассексе, а младший сын, чью судьбу мы опишем на этих страницах, жил среди сумрачных древних лесов Грей-Фореста. В средствах он был весьма стеснен, по характеру замкнут и раздражителен.

Достопочтенный Ричард Марстон возрастом приближался к пятидесяти годам, однако в значительной мере сохранил следы мужественной красоты, которую ничуть не умаляли хорошо заметные следы дерзкой и страстной натуры. Лет восемнадцать назад он женился на красивой девушке из хорошей, но обедневшей семьи; в этом браке появились на свет двое детей, сын и дочь. Во времена нашей истории мальчик, Чарльз Марстон, учился в Кембридже, а его сестра, едва достигшая пятнадцати лет и проживавшая с родителями, оставалась под присмотром опытной гувернантки, которую порекомендовал им знатный родственник миссис Марстон. Она была родом из Франции, но прекрасно владела английским языком и, если не считать легкого акцента, придававшего ее речам особую прелесть, говорила не хуже любой урожденной англичанки. Эта молодая француженка была необычайно красива и привлекательна. Секретами ее несомненного влияния на мужские сердца, которые с первого взгляда поражали воображение, были не классически правильные черты лица, а выразительные темные глаза, светлая оливковая кожа, небольшие ровные зубы, улыбка с красивыми ямочками.

Состояние мистера Марстона, изначально не очень большое, было растрчено им в годы разгульной юности. От природы гордый и взыскательный, он остро ощущал унижительные последствия своей бедности. Его раздражала и ранила невозможность занять в своем графстве влиятельное положение, которое, как он считал, должно принадлежать ему по праву; он мучительно и долго лелеял в душе горькие обиды, реальные или воображаемые, которым подвергал его все тот же избыточный источник досад и унижений. Поэтому он мало контактировал с владельцами окрестных поместий, и даже это скудное общение было не из приятных; ибо, не имея возможности развлекать других в том стиле, какой он считал подобающим своим идеям или положению, он отвергал, насколько это было совместимо с хорошими манерами, любые приглашения гостеприимных соседей и из своего заброшенного парка глядел на окружающий мир угрюмо и дерзко.

Он был сильно стеснен в средствах и в связи с этим вынужден сильно ограничивать себя, однако унаследовал множество мнимых атрибутов бывшего величия, обретавших все более весомую значимость по мере исчерпания материальных признаков богатства. Особняк, в котором он жил, при всей своей старомодности был весьма величественным и, бесспорно, аристократичным; на стенах висели портреты знаменитых предков. Марстон сумел сохранить вокруг себя многочисленный и вполне благопристойный штат прислуги. Помимо этого, вокруг дома простиралось обширное поместье с охотничьим парком, где водились олени, и великолепный строевой лес, где он любил гулять. Гордость за эти владения помогала ему в некоторой степени смягчать горькие чувства от утраты бывшего богатства и значимости. К сожалению, давние привычки мистера Марстона не уменьшали, а лишь обостряли его досаду при виде стремительно тающего состояния. Он всегда отличался беспечностью, сладострастием и любовью к азартным играм. Его дурные наклонности сохранились и после исчезновения средств для их удовлетворения. Любовь к жене была не более чем одним из неистовых упрямых увлечений, какие у людей, склонных потакать своим прихотям, иногда приводят к женитьбе, однако редко длятся более нескольких месяцев. Миссис Марстон была женщиной благородной и великодушной. После долгих мук и разочарований, о которых никто не подозревал, она была вынуждена с горечью покориться своей несчастной судьбе. Чувства, когда-то наполнявшие радость ее молодые дни, исчезли, и, как она с горечью догадывалась, навсегда. Вряд ли они когда-нибудь вернуться; и она, не жалуясь, никого не упрекая, смирилась с тем, что считала неизбежным. При взгляде на миссис Марстон невозможно было не заметить, что некогда поразительно красивая женщина превратилась в усталую, бледную, терзаемую глубоко спрятанной невысказанной печалью, она сохранила в лице и фигуре признаки благородной красоты и несравненного изящества, которыми в былые, более счастливые дни восхищались все, кто ее видел. Но столь же невозможно было в разговоре с ней, даже кратком, не услышать в мягкой, меланхоличной музыке ее голоса печальных отзвуков горя, сгубившего ее прежнюю красоту, неувядающих воспоминаний о былой любви и невозвратно ушедшем счастье.

Однажды утром мистер Марстон, по своему обыкновению, в ожидании почтальона, приносившего письма, прогуливался по широкой прямой аллее, обрамленной высокими деревьями. Встретив проворного вестника, он молча забрал у него почтовую сумку. Внутри было всего два письма – одно адресовалось «Мадемуазель де Баррас, дом м-ра Марстона», другое ему самому. Он взял оба, отпустил почтальона, вскрыл то, которое предназначалось ему, и на обратном пути к дому прочитал.

«Дорогой Ричард!

Ты, несомненно, помнишь, что я человек эксцентричный, а в последнее время, как мне говорят, стал склонен к ипохондрии. Не знаю, какому именно недугу я обязан внезапным желанием нанести тебе визит, но надеюсь, что ты согласишься меня принять. По правде сказать, дорогой Дик, мне хочется посмотреть ваши края и, признаюсь, заодно повидаться с тобой. Мне хочется познакомиться с твоей семьей; и, хоть мне и говорят, что здоровье мое пошатнулось, в свою защиту скажу, что хлопот со мной у вас будет мало. Я вполне способен сам о себе позаботиться и не нуждаюсь ни в уходе, ни в чем-то еще. Будь добр, доложи о моей просьбе миссис Марстон и сообщи мне ее решение. Серьезно, я понимаю, что у тебя, может быть, сейчас полон дом гостей или имеются другие обстоятельства, препятствующие моему вторжению. В таком случае дай мне знать об этом честно, дорогой Ричард, ибо я не стеснен во времени и вполне свободен в своих передвижениях, поэтому могу перенести свой визит на любое удобное тебе время.

Искренне твой и т. д.,
Уинстон Э. Беркли

Р. С. Напиши мне в отель в Честере, там я, вероятно, буду к тому времени, когда это письмо дойдет до тебя».

– Как всегда, дурно воспитан и настырен! – сердито возгласил мистер Марстон, засовывая в карман нежеланное письмо. – Купается себе в богатстве и не имеет ни единого родственника более близкого, чем я, и еще прочнее связан со мной – нет, не симпатией, тьфу! – а воспоминаниями о давних временах, когда мы приятельствовали, но при этом оставляет меня без помощи, обрекая на многолетнее прозябание и муки, на жестокие удары судьбы и нескончаемые материальные трудности, а теперь намерен явиться в мой дом, в полной уверенности, что встретит радушный прием. Явится сюда, – продолжил он после долгой мрачной паузы, медленно шагая к дому, – чтобы собрать основу для сплетен следующего сезона – о женившемся закоренелом холостяке, о разорившемся красавце, о всеми отвергнутом обитателе чеширской глуши. – При этих словах он окинул окрестный унылый пейзаж полным ненависти взглядом. – Да, он желает увидеть здешние места пустынными и голыми, но я его разочарую. За свои деньги он может купить сердечный прием в какой-нибудь таверне, но будь я проклят, если проявлю к нему хоть каплю радушия.

Он снова раскрыл и пробежал глазами письмо.

– Ну да, нарочно сформулировал свою просьбу так, что я не смогу отказать, не нанеся обиды, – гневно продолжил он. – В таком случае пусть не винит никого, кроме себя, и обижается сколько хочет. Я сумею положить конец его веселому путешествию. Боже мой, до чего трудно жить, когда приходится выставлять свою бедность напоказ.

Сэр Уинстон Беркли носил титул баронета и обладал немалым состоянием. Эгоистичный и тщеславный, он был закоренелым холостяком. Когда-то они с Марстоном вместе учились в школе, и жестокий неумолимый нрав последнего вызывал у его товарища столь же мало уважения, сколь мало ценил его родич легкомысленного себялюбивого баронета. В детстве у них было слишком мало общих интересов, которые могли заложить основу дружбы или хотя бы взаимной симпатии. Беркли был беспечен, холоден и насмешлив; его кузен – ибо они приходились друг другу кузенами – завистлив, высокомерен и безжалостен. Их нежелание общаться друг с другом, естественным образом проистекающее из разницы характеров, за время учебы в Оксфорде сменилось откровенной враждебностью. Однажды в любовной интрижке Марстон обнаружил в своем кузене успешного соперника; это привело к жестокой ссоре, которую, не вмешайся вовремя друзья, он непременно довел бы до кровопролития. Со временем, однако, разрыв между ними постепенно сгладился, и молодые люди стали смотреть друг на друга с одинаковыми чувствами; в конце концов между ними снова установилось прежнее холодное безразличие.

С учетом вышесказанного, какие бы подозрения ни питал Марстон по поводу только что полученного неожиданного и крайне нежелательного предложения, у него не было причин жаловаться на то, что сэр Уинстон своим долгим отсутствием нарушил обязательства, проистекавшие из давней дружбы. Однако, решив отказать сэру Уинстону в приглашении, Марстон действовал не в порыве гнева или злости. Он хорошо знал баронета и понимал, что тот не питает к нему никаких добрых чувств и что причиной внезапного визита было что угодно, только не желание повидать старого друга. Поэтому он решил обойтись без тревог и расходов, вызванных этим крайне неприятным для него визитом, и раз и навсегда отказать баронету, причем сделать это в манере, достойной джентльмена, но при этом, как может догадаться читатель, нимало не заботясь о том, обидит ли отказ его беззаботного кузена.

Приняв это решение, Марстон вошел в просторный, но заметно обветшалый особняк, где его звали хозяином, и направился в гостиную, отведенную дочери. Там он и застал ее в компании хорошенькой французской гувернантки. Он поцеловал свое дитя и вежливо приветствовал ее молодую наставницу.

– Мадемуазель, – произнес он. – Я принес письмо для вас. Рода, – обратился он к своей прелестной дочери, – отнеси это матери и передай, что я просил прочитать его.

Он вручил ей только что полученное письмо, и девочка легким шагом убежала исполнять просьбу.

Если бы он внимательнее присмотрелся к выражению лица красивой француженки в тот миг, когда она посмотрела на врученное ей послание, то заметил бы мимолетные, но вполне отчетливые признаки волнения. Она торопливо спрятала письмо, вздохнула, и легкий румянец, коснувшийся ее щек, тотчас же исчез. Через мгновение она вновь обрела свое обычное спокойствие.

Мистер Марстон остался в комнате еще на несколько минут – пять, восемь или десять, нельзя сказать точно. По большей части он стоял на месте, ожидая возвращения своей посланницы или появления жены. Не дождавшись, пошел искать их сам; но за время ожидания его прежняя решимость поколебалась. Трудно понять, что на него повлияло, однако в конце концов он твердо решил, что сэр Уинстон Беркли должен стать его гостем.

Идя длинными коридорами, Марстон встретил свою супругу и дочь.

– Ну как, – спросил он, – ты прочитала письмо Уинстона?

– Да. – Она вернула ему листок. – И какой же ответ ты, Ричард, намерен ему дать?

Она хотела было высказать свое предположение, но вовремя прикусила язык, вспомнив, что даже такой мельчайший намек на совет может разозлить ее холодного и властного господина.

– Я подумал и решил пригласить его, – ответил он.

– Ох! Боюсь – то есть надеюсь, – что наше скромное хозяйство придется ему по вкусу, – сказала она с невольным удивлением, так как почти не сомневалась, что ее муж в столь стесненных обстоятельствах предпочел бы уклониться от визита давнего друга.

– Если наша скромная пища его не устроит, – угрюмо отозвался Марстон, – может уехать, когда захочет. Мы, бедные джентльмены, постараемся оказать ему достойный прием. Я все обдумал и решил.

– И когда же, дорогой Ричард, ты намерен назначить ему дату приезда? – поинтересовалась она с понятным беспокойством, догадываясь, что в хозяйстве, где претензий гораздо больше, чем возможностей, вся тяжесть домашних хлопот ляжет на ее плечи.

– Пусть приезжает когда захочет, – отозвался он. – Полагаю, тебе не составит труда приготовить ему комнату к завтрашнему или послезавтрашнему дню. Я отвечу ему с сегодняшней почтой и напишу, чтобы приезжал как можно скорее.

Произнеся это холодным и решительным тоном, он ушел, видимо не желая, чтобы его терзали дальнейшими расспросами. В полном одиночестве он направился в самую далекую часть своего заброшенного парка, где его никто не мог побеспокоить. Он часто проводил там целые дни, охотясь на кроликов. Там, за любимым занятием, о коем он время от времени извещал далеких домочадцев беспорядочными выстрелами, мы его на время и оставим.

Миссис Марстон отдала распоряжения и, когда подготовка к событию столь непривычному, как долгий визит постороннего гостя, началась полным ходом, удалилась в свой будуар – место, где она привыкла проводить долгие часы в терпеливом, но горьком страдании, незаметном чужому глазу и скрытом от всех, кроме Сердцеведца Бога, которому принадлежит и милость, и месть.

У миссис Марстон было всего двое друзей, с которыми она могла обсуждать все, что лежало на сердце, и в первую очередь холодность супруга – печаль, которую не смогло исцелить даже время. От детей она эту горечь тщательно скрывала, ни разу не высказав ни единой жалобы. Она бы скорее погибла, чем позволила себе дать им хоть малейший повод обвинить отца. Другьями, которые, хоть и в разной степени, могли понять ее чувства, были, во-первых, почтенный священник, преподобный доктор Денверс, частый гость в Грей-Форесте, где своими

простыми манерами, добронравием и сердечной мягкостью завоевал любовь всех обитателей, кроме самого хозяина, и удостоился даже его уважения. Второй была не кто иная, как молодая французская гувернантка мадемуазель де Баррас, охотно выражавшая сочувствие и дававшая советы, в которых миссис Марстон находила немалое утешение. В обществе этой юной леди она обретала спокойствие и радость, сравнимые разве что со счастьем от общения с дочерью.

Мадемуазель де Баррас происходила из благородной, но обедневшей французской семьи, и неуловимое изящество и внутреннее достоинство говорили, вопреки стесненным обстоятельствам, о чистоте ее происхождения. Она получила хорошее воспитание, обладала тонкой восприимчивостью и чувствительностью, той готовностью приспособиваться к перепадам настроения собеседника, которую мы называем тактом, и, кроме того, была одарена природной грацией и самыми располагающими манерами. Коротко говоря, в качестве компаньонки она не знала себе равных; и, с учетом печальных обстоятельств ее собственной судьбы и трагической истории ее семейства, когда-то богатого и благородного, сочетание всех этих качеств превращало ее в особу необычайно интересную. Благодаря своему характеру и происхождению мадемуазель де Баррас сумела завоевать расположение миссис Марстон, и между ними возникли близость и доверие куда более тесные, чем обычно связывают участников подобных отношений.

Едва миссис Марстон успела расположиться в своей комнате, как за дверью послышались легкие шаги, раздался тихий стук, и вошла мадемуазель де Баррас.

– О мадемуазель, как мило! Какие красивые цветы! Прошу, садитесь, – тепло улыбнулась леди, принимая из изящных пальчиков иностранки небольшой букет, старательно ею собранный.

Мадемуазель села и вежливо поцеловала руку хозяйке. Если сердце истерзано печалью, любая мелочь – случайное слово, взгляд, мимолетное проявление доброты – пробуждает в нем благодарность. Так случилось с букетом и поцелуем. Миссис Марстон была тронута, ее глаза наполнились слезами. Она признательно улыбнулась своей смиренной компаньонке, от этой улыбки слезы сами собой хлынули из глаз, и несколько минут она молча плакала.

– Моя бедная мадемуазель, – выдавила наконец она. – Вы очень, очень добры.

Мадемуазель ничего не сказала, лишь опустила глаза и сжала руку несчастной госпожи.

Видимо, чтобы прервать неловкое молчание и придать разговору более жизнерадостный тон, гувернантка с внезапной веселостью заявила:

– Итак, мадам, у нас ожидается гость. Мне рассказала Рода. Он, кажется, баронет?

– Да, мадемуазель. Сэр Уинстон Беркли, лондонский джентльмен, кузен мистера Марстона, – таков был ответ.

– Ого! Кузен! – воскликнула юная леди с чуть большим удивлением, чем требовалось. – Кузен? Да, это веская причина для визита. Прошу вас, мадам, расскажите о нем; я очень боюсь незнакомцев, особенно тех, кого можно назвать светскими людьми. О дорогая миссис Марстон, я недостойна находиться здесь, он сразу поймет это. Мне очень, очень страшно. Пожалуйста, расскажите о нем.

Она произнесла это так бесхитростно, что ее более старшая подруга улыбнулась и, пока мадемуазель перебирала цветки в только что подаренном букете, добросердечно пересказала ей все, что знала о сэре Уинстоне Беркли, что по большей части не превышало тех сведений, которые уже изложены выше. Когда она закончила, молодая француженка еще некоторое время сидела молча, перебирая цветы. Но вдруг глубоко вздохнула и покачала головой.

– Мадемуазель, вы, кажется, встревожены, – с добротой в голосе подметила миссис Марстон.

– Я задумалась, мадам. – Она опять глубоко вздохнула, не поднимая глаз от букета. – Вспомнила то, что вы говорили мне неделю назад. Увы!

– Я уже и не помню, что я говорила вам, моя добрая мадемуазель. Надеюсь, ничего такого, что могло бы вас огорчить. По крайней мере, я не намеревалась вас обидеть, – попыталась утешить ее госпожа.

– Нет, мадам, конечно, не намеревались, – печально отозвалась юная француженка.

– Тогда в чем же дело? Может быть, вы неправильно меня поняли; в таком случае я постараюсь объяснить свои слова, – ласково сказала миссис Марстон.

– О мадам, вы думаете... Вам кажется, что я приношу несчастье, – медленно, дрожащим голосом ответила юная леди.

– Приносите несчастье? Дорогая мадемуазель, это для меня неожиданность, – возразила ее собеседница.

– Я... Вот что я хочу сказать, мадам. Вам кажется, что ваши несчастья начались или хотя бы усилились, с тех пор как сюда приехала я, – покорно объяснила француженка. – И хотя вы слишком добры, чтобы открыто ставить это мне в упрек, все же, наверное, вам кажется, что я как-то связана с вашими бедами.

– Дорогая мадемуазель, гоните от себя подобные мысли. Вы ко мне несправедливы. – Миссис Марстон накрыла ладонью руку подруги.

Помолчав, хозяйка продолжила:

– Я вспомнила, о чем вы говорите, дорогая мадемуазель. О том, что человек, который мне дороже всего на свете, все сильнее отдаляется от меня. О первом и самом горьком в моей жизни разочаровании, которое с каждым днем становится все безнадежнее.

Миссис Марстон умолкла, и после недолгой паузы гувернантка сказала:

– Я и сама очень суеверна, мадам, поэтому мелькнуло в мыслях, что вы видите во мне предвестницу беды, и эта мысль меня очень огорчила. Огорчила так сильно, что я даже собиралась уехать от вас, мадам; теперь могу откровенно сказать об этом. Но вы развеяли мои сомнения, и я снова счастлива.

– Дорогая мадемуазель! – Леди встала и поцеловала в щеку свою смиренную подругу. – Никогда, никогда больше об этом не говорите! Бог свидетель, у меня слишком мало друзей, чтобы я могла легко расстаться с самой доброй и нежной из них. Вы даже не представляете, какое утешение я нахожу в вашем теплом сочувствии, как я ценю вашу привязанность, моя бедная мадемуазель.

Юная француженка встала, опустив глаза, и радостно улыбнулась, показав ямочки на щеках. Миссис Марстон поднялась вместе с ней, поцеловала, и та робко ответила на объятия своей доброй госпожи. На миг ее гибкие руки обвили стан почтенной леди, и гувернантка прошептала:

– О мадам, вы меня утешили! Теперь я счастлива!

Если бы в этот миг ангел-разоблачитель Итуриил тронул своим небесным копьем юную красавицу, исполненную благодарности и любви, сохранила бы она свой непорочный облик? Внимательный зритель заметил бы странный огонек, блеснувший в ее глазах. По ее лицу пробежала тень, и в тот миг, когда она, обвив руками шею доброй леди, шептала: «О мадам, вы меня утешили! Теперь я счастлива!» – выражение ее лица было далеко не ангельским. На краткий миг внимательный зритель непременно заметил бы змею, гибкую и яркую, которая обвила кольцами свою благодетельницу и тихо шепчет ей на ухо.

Через несколько мгновений мадемуазель снова очутилась одна в своей комнате. Она закрыла дверь на засов, взяла из несессера полученное утром письмо, опустилась в кресло и внимательно прочитала. Чтение прерывалось долгими периодами глубоких раздумий; проведя за этим занятием целый час, она тщательно запечатала письмо, убрала его обратно в несессер и, разгладив лоб и весело улыбнувшись, пригласила свою прелестную ученицу на прогулку.

Перенесемся же на несколько дней вперед и сразу перейдем к приезду сэра Уинстона Беркли, произошедшему, как и положено, вечером назначенного дня. Баронет вышел из своей

кареты незадолго до часа, когда обитатели Грей-Фореста вместе усаживались за ужин. Посвятив несколько минут приведению себя в порядок при помощи опытного лакея, сей достойный джентльмен стал готов во всей красе появиться перед семейным собранием.

Сэр Уинстон Беркли был джентльменом до мозга костей. Довольно высокий, хорошо сложенный, он держался легко и беззаботно. В его лице имелось что-то неуловимо аристократическое, хотя годы оставили на нем более сильный отпечаток, чем можно было ожидать. Но сэр Уинстон был сластолюбом, и, как он ни старался скрыть следы излишеств, они все равно были хорошо заметны на лице пятидесятилетнего красавца. Одетый с иголочки, веселый и жизнерадостный, он, едва переступив порог, почувствовал себя как дома. Разумеется, истинной сердечности тут не было и в помине; но мистер Марстон, как и подобает человеку с хорошим воспитанием, заключил родственника в объятия, и баронет, кажется, был готов подружиться со всеми присутствующими и проявить довольство всем, что происходит. Войдя в гостиную, он завел веселый разговор с мистером и миссис Марстон и их очаровательной дочерью. Не прошло и пяти минут, как появилась мадемуазель де Баррас. Она шагнула к миссис Марстон, и сэр Уинстон, поднявшись, окинул ее взглядом, полным восхищения, и вполголоса спросил Марстона:

– А это кто?

– Это мадемуазель де Баррас, гувернантка моей дочери и компаньонка миссис Марстон, – сухо представил Марстон.

– Ага! – воскликнул сэр Уинстон. – Я так и думал, что вас дома всего трое, и не ошибся. Ваш сын учится в Кембридже; я слышал это от нашего старого друга Джека Мэнбери. У Джека сын тоже там. Право слово, Дик, кажется, всего неделя прошла с тех пор, как мы вместе сидели там за партами.

– Да. – Марстон мрачно глядел в огонь, как будто в дыму и мерцании видел призраки впустую потраченного времени и упущенных возможностей. – Но знаешь, Уинстон, я не люблю оглядываться на те времена. Прошлое для меня – череда неудач и дурных событий.

– Да что ты за свинья неблагодарная! – весело вскричал сэр Уинстон, обернулся спиной к огню и окинул взглядом просторную и красивую, хоть и несколько запущенную комнату. – Я уже хотел было поздравить тебя с обладанием лучшим парком и благороднейшим поместьем во всем Чeshire, а ты вдруг начал ворчать. Право же, Дик, в ответ на твое хныканье могу только сказать, что мне тебя совсем не жалко, потому что на свете очень много людей, которые искренне позавидовали бы тебе.

Вопреки его бодрым заверениям, Марстон хранил угрюмое молчание. Однако уже подали ужин, и небольшая компания заняла свои места за столом.

– Прости, Уинстон, не могу предложить тебе никаких развлечений, – сказал Марстон. – Разве что рыбалка тут хорошая, если ты ею увлекаешься. В твоём распоряжении три мили ручья, в котором прекрасно ловится форель.

– Дорогой друг, я простой лондонец, – отвечивал сэр Уинстон. – У меня нет никаких особых увлечений, я их никогда не пробовал и не хочу начинать. Нет, Дик, мне куда больше по вкусу прогулки на свежем воздухе по твоим замечательным окрестностям. Три года назад, когда я был в Руане...

– В Руане? Мадемуазель наверняка выслушает вас с большим интересом. Она там родилась, – перебил Марстон, взглянув на француженку.

– Да... В Руане... Да, – заметно смутилась мадемуазель.

Сэр Уинстон, кажется, на миг тоже растерялся, но быстро пришел в себя и стал излагать детали своих приключений в этом славном нормандском городе.

Марстон хорошо знал сэра Уинстона и пришел к совершенно правильному выводу, что долгие путешествия по свету могли лишь усилить его эгоизм и ожесточить сердце, однако вряд ли были способны улучшить его характер, изначально недостойный и бесчувственный. Больше

того, он знал, что его богатый кузен имел настоящий талант на мелкие хитрости, при помощи которых человек праздный и легкомысленный маскирует свои неприглядные проделки; и что сэр Уинстон никогда ничего не предпримет без конкретных намерений, в центре которых всегда стоит его собственное удовольствие.

Этот визит сильно озадачил Марстона и даже вселил смутную тревогу. Не кроются ли в его правах на Грей-Форест какие-либо тайные изъятия? Ему смутно вспоминались некие неприятные сомнения: в детстве он слышал в семье перешептывания о чем-то подобном. Так ли это? И мог ли баронет совершить свой неожиданный визит, просто чтобы лично изучить состояние поместья, которое скоро перейдет в его законное владение? Природа этих подозрений хорошо отражает мнение Марстона о характере своего кузена. Время от времени он терзался этими сомнениями; однако, стоило ему вспомнить о мимолетном, но необъяснимом смятении мадемуазель де Баррас при упоминании о Руане – смятении, которое на миг разделил даже сам баронет, – как в темных глубинах его разума зарождались подозрения совсем иного рода. Он терялся в догадках и иногда даже сожалел, что согласился принять кузена в своем доме.

Хотя сэр Уинстон вел себя так, словно был уверен, что в Грей-Форесте его считают самым желанным гостем, на самом деле он прекрасно понимал истинные чувства владельца поместья. И если он поставил себе целью задержаться как можно дольше и хотел, чтобы радушные хозяйка тоже пожелали отложить его отъезд, то, без сомнения, предпринял для этого самые действенные меры.

По вечерам небольшая обеденная компания расходилась часов в десять, и сэр Уинстон удалялся в свои комнаты. Ему не составило труда уговорить Марстона на тихую партию в пикет. И в своих покоях, блаженно расслабившись в халате и шлепанцах, он засиживался с хозяином за карточной игрой иногда до часу-другого пополудни. Сэр Уинстон был неизменно богат и не стеснялся в расходах. Ставки, на которые шла игра, постепенно росли, доходя до немалых размеров, однако в его глазах не стоили даже упоминания. Марстон, напротив, был беден и играл со взором рыси и аппетитом акулы. Легкость и добродушие, с которыми сэр Уинстон проигрывал значительные суммы, не остались без одобрения его партнера, собиравшего золотой урожай, как легко понять, безо всякого сожаления и урона для своей гордости и независимости. Если он иногда и подозревал, что гость проигрывает с гораздо большей охотой, чем выигрывает, то старался не замечать этого и вечер за вечером требовал продолжения партии, якобы предоставляя сэру Уинстону шанс отыгаться; иными словами, ждал его новых проигрышей. Все это вполне устраивало Марстона, и постепенно он стал относиться к гостю гораздо радушнее, чем вначале.

Но однажды произошел случай, неожиданным образом поколебавший эти дружеские отношения. Здесь следует упомянуть, что двери спальни мадемуазель де Баррас выходили в длинный коридор. К ним примыкали две гардеробные, тоже выходившие в коридор, но не используемые и не меблированные. С каждой стороны в тот же самый коридор выходили двери еще пяти или шести комнат. Описав обстановку, можем переходить к рассказу о происшествии. В один из дней случилось так, что Марстон, отправившись порыбачить в ручье, протекавшем через его парк и находившемся на значительном расстоянии от дома, неожиданно вернулся за какой-то забытой снастью. Торопливо шагая по вышеописанному коридору в свои комнаты, он вдруг заметил, что дверь одной из неиспользуемых гардеробных неслышно приоткрылась и изнутри вышел сэр Уинстон Беркли. При этом Марстон оказался совсем рядом с ним, и сэр Уинстон инстинктивно отпрянул, словно хотел спрятаться обратно. В то же время острый слух хозяина отчетливо уловил шелест шелковых одежд и тихие шаги – кто-то на цыпочках торопливо удалялся из пустой гардеробной. Сэр Уинстон смущенно потупился, насколько это возможно для светского человека. Марстон резко остановился и окинул гостя пристальным взглядом.

– Дик, ты меня застукал за изучением твоего дома. – Баронет с видимым усилием стряхнул с себя смущение. – Ты ведь знаешь, я человек любопытный. Открытая дверь красивого старого особняка – соблазн, перед которым...

– Обычно эта дверь закрыта и должна оставаться таковой, – сухо перебил Марстон. – Внутри нечего рассматривать, только пыль да паутина.

– Прошу прощения. – Сэр Уинстон заметно приободрился. – Ты забыл про вид из окна.

– Ах да, вид. Верно, вид отсюда хороший. – Марстон постарался вернуться к своей привычной манере разговора; при этом он небрежно открыл дверь и вошел вместе с сэром Уинстоном. Они встали у окна, молча разглядывая пейзаж, но при этом ни тот ни другой ничего не видели перед собой.

– Да, вид и правда хороший. – Отворачиваясь, Марстон украдкой окинул комнату быстрым взглядом. Дверь в покои француженки была закрыта, но неплотно. Этого хватило с лихвой; выходя из комнаты, Марстон еще раз пригласил гостя с собой, но, судя по тональности голоса, он вряд ли понимал смысл собственных слов.

Он нерешительно направился к своей комнате, но потом развернулся и спустился по лестнице. В вестибюле ему повстречалась его прелестная дочь.

– А, Рода! – сказал он. – Ты сегодня уже выходила погулять?

– Нет, папа; погода очень хорошая, пожалуй, пойду сейчас.

– Да, пойдешь, и пусть тебя сопровождает мадемуазель. Слышишь, Рода, пусть мадемуазель пойдет с тобой. И отправляйтесь не мешкая.

Через несколько минут Марстон, стоя у окна в гостиной, увидел, как Рода и элегантная француженка вместе шли к лесу. Оставаясь невидимым, он мрачно смотрел им вслед, пока они не скрылись среди деревьев. Потом со вздохом отвернулся от окна и снова поднялся по парадной лестнице.

«Я разгадаю эту тайну, – говорил он себе. – Разоблачу заговор, если он есть, и выведу их на чистую воду. Отвечу им их же собственным оружием; хитростью на хитрость, интригой на интригу, двуличием на двуличие».

Он очутился в длинном коридоре, о котором мы только что рассказали, быстро огляделся по сторонам и, убедившись, что его не побеспокоит ничей случайный взгляд, смело вошел в комнату мадемуазель. На столе лежал ее несессер для письменных принадлежностей. Он был заперт; Марстон спокойно взял его в руки, отнес в свою комнату, запер дверь и, взяв две-три связки ключей, осторожно перепробовал десятка полтора; почти отчаявшись в успехе, нашел наконец нужный ключ, повернул и раскрыл несессер.

В ходе этой постыдной работы Марстона поддерживала некая вспышка бурного увлечения, но при виде раскрытого несессера он испуганно вздрогнул. Когда его настойчивому взгляду открылись нарушенные тайны взломанного хранилища, ему стало совестно. Как он мог опуститься до столь бесчестного шпионажа! На миг устыдившись, он вознамерился было запереть несессер и вернуть его на место, не завершив задуманного предательства; но мимолетное колебание быстро угасло, его сменило жгучее желание довершить начатое. Виноватые глаза и жадные руки торопливо изучили спрятанные в шкапулке секреты нормандской красавицы.

– Ага! Вот и оно! – воскликнул Марстон, обнаружив письмо – то самое, которое он своими руками вручил мадемуазель де Баррас всего несколько дней назад. – Почерк изменен, но кажется мне знакомым; ну-ка, посмотрим.

Он вскрыл письмо. Оно состояло всего из нескольких строчек; Марстон прочитал его затаив дыхание. Сначала он побледнел, потом на лицо опустилась тень, еще и еще одна, все темнее и темнее, словно воздух над ним почернел от ядовитых испарений. Марстон ничего не сказал, лишь испустил долгий вздох и с мертвенной суровостью на лице свернул письмо, положил обратно и запер несессер.

Разумеется, мадемуазель де Баррас, вернувшись с прогулки, обнаружила все вещи в своей комнате на своих местах, там же, где она их оставила. Пока юная леди занималась вечерним туалетом, готовясь к обеду, и пока сэр Уинстон Беркли терзался размышлениями о том, были ли мрачные взгляды, которые Марстон бросал на него при утренней встрече в коридоре, всего лишь плодами его воображения или же представляли собой суровую реальность, сам Марстон в одиночестве разгуливал по самым темным и диким закоулкам своего парка, преследуемый нечестивыми мыслями и, возможно, иными злыми сущностями, обитающими, как мы знаем, «в развалинах». Его окутала тьма и прохлада ночи. Какие страшные спутники сопровождали его в скитаниях! Ночные тени стремительно сгущались, и с каждым шагом его все сильнее охватывало ощущение близости зла; вдоль тропы, по которой он шел, клубились чудовищные видения, и ему казалось, что они охотятся на него, как он сам нередко охотился на кроликов; чувства эти сдавливали ему душу смутным, доселе неведомым страхом; он пытался прогнать скверные мысли, сопровождавшие его весь день, но не мог, и они преследовали его с неотвязной дерзкой настойчивостью, пугали, приводили в ярость. Он торопливо, словно убегающий преступник, зашагал домой.

Обладая столь важной уликой, Марстон не был полностью удовлетворен, хотя и приближался к этому. На тайком прочитанном письме, терзавшем мысли весь день, не было подписи; но, независимо от почерка, который, несмотря на попытки его изменить, казался знакомым, в тексте письма, при всей краткости, скрывались и другие намеки, в совокупности с некоторыми обстоятельствами весомо подтверждавшие его подозрения. Однако он решил не спешить и еще раз проверить свои выводы, а до тех пор постараться не выдать своими поступками ни мрачных подозрений, ни горьких мыслей. Обман в обоих своих проявлениях – притворстве и утаивании – давался ему легко. Привычная сдержанность и хмурость скроют мимолетные случайные проявления внутренних тревог, которые у любого другого человека могли бы считаться подозрительными или необъяснимыми.

Торопливая прогулка хоть и дала выход внутренним переживаниям, терзавшим его большую часть дня, однако запачкала и привела в беспорядок одежду, придавая своему владельцу вид измученный и диковатый, поэтому он, закрывшись у себя в комнате, был вынужден быстро и тщательно привести себя в порядок.

За ужином мистер Марстон был в непривычно хорошем расположении духа. Они с сэром Уинстоном непринужденно беседовали на самые разные темы, от серьезных до веселых. Среди них возникла неисчерпаемая тема распространенных суеверий, особенно загадочных пророчеств судьбы, часто исполняющихся в последующие годы.

- Между прочим, Дик, эта тема для меня довольно неприятна, – заметил сэр Уинстон.
- Почему? – спросил хозяин.
- А разве не помнишь? – удивился баронет.
- Нет, не понимаю, на что ты намекаешь, – искренне ответил Марстон.
- Помнишь, как мы учились в Итоне? – допытывался сэр Уинстон.
- Да, конечно.
- Ну? – продолжал гость.
- Честно говоря, не припомню никаких пророчеств, – признался Марстон.
- Разве ты забыл, как цыганка предсказала, что я умру от твоей руки, Дик?
- Ха-ха-ха! – вздрогнув, рассмеялся Марстон.
- Припоминаешь теперь? – нажимал его собеседник.
- Да, кажется, припоминаю, – отозвался Марстон. – Но у меня в голове крутится еще одно предсказание, его тоже сделала цыганка. Помнишь, в Аскоте девчонка нагадала, что я стану лорд-канцлером Англии и в придачу герцогом?

– Да, Дик! – весело ответствовал сэр Уинстон. – Может быть, сбудутся оба этих предсказания, а может, ни одно из них. В таком случае не восседать тебе на мешке с английской шерстью!

Вскоре обед закончился. Сэр Уинстон и хозяин, как обычно, пошли играть в пикет, а миссис Марстон, по своему обыкновению, удалилась в будуар, чтобы заняться бумагами, счетами и прочими делами домашнего хозяйства.

За этим занятием ее побеспокоил вежливый стук в дверь, и на пороге появился пожилой слуга, очень давно работавший у мистера Марстона.

– Здравствуйте, Мертон. Что привело вас сюда?

– Знаете, мэм, хочу предупредить: я намереваюсь уйти со службы, мэм, – ответил он с уважением, но решительно.

– Уйти от нас, Мертон! – эхом отозвалась хозяйка. Его желание удивило и огорчило ее, ибо этот человек служил ей верой и правдой много лет и пользовался ее симпатией и доверием.

– Да, мэм, – повторил он.

– Почему же, Мертон? Случилось что-нибудь неприятное для вас? – стала расспрашивать леди.

– Нет, мэм, ничего такого, – искренне ответил он. – Мне не на что жаловаться, совсем не на что.

– Может быть, вы надеетесь устроиться лучше, уйдя от нас? – предположила его хозяйка.

– Нет, мэм, и в мыслях не было. – Казалось, он вот-вот разразится слезами. – Но, мэм... на меня с недавних пор что-то такое нашло, ничего не могу с собой поделать, но мне думается, мэм, что, если я останусь здесь... с нами со всеми случится... что-то очень плохое. Вот, мэм, вся как есть чистая правда.

– Это очень глупо, Мертон. Какая-то детская фантазия, – ответила миссис Марстон. – Вам здесь нравится, и после ухода вам не станет лучше. И вдруг из-за какого-то нелепого суеверия вы решаете все бросить и уйти от нас. Нет, нет, Мертон, подумайте хорошенько и, если после размышлений вы все-таки захотите покинуть дом, поговорите с хозяином.

– Спасибо, мэм, да благословит вас бог. – И слуга отбыл.

Миссис Марстон позвонила в колокольчик, вызывая горничную, и удалилась в свою комнату.

– Не знаете ли вы, – спросила она, – не случилось ли за последнее время что-то такое, что могло огорчить Мертона?

– Нет, мэм, ничего такого не знаю. Но он и правда с недавних пор сильно изменился, – ответила горничная.

– Он ни с кем не ссорился? – допытывалась хозяйка.

– Нет, мэм, он никогда ни с кем не ссорится. Всегда молчит, себе на уме, – ответила служанка.

– Но вы сказали, что он сильно изменился, – продолжала леди, ибо ей показалось, что на протяжении короткого разговора в манерах старого слуги появилось нечто странное и неприятное. Он как будто бы хранил какой-то страшный секрет, о котором очень хотел бы рассказать, но не отваживался.

– В чем же заключаются упомянутые вами перемены? – продолжала расспросы миссис Марстон.

– Понимаете, мэм, он словно боится чего-то или печалится, – объяснила служанка. – Сидит молча по целому часу, время от времени качая головой, словно хочет от чего-то избавиться.

– Бедняжка! – воскликнула леди.

– И еще: когда мы все собираемся за столом, он вдруг встает и уходит; и Джем Боулдер, тот, что спит в соседней с ним комнате, говорит, что в любом часу ночи, стоит только загля-

нуть в окошко между комнатами, можно увидеть мистера Мертона, стоящего на коленях возле кровати, то ли молящегося, то ли плачущего; но ясно одно – он, бедняга, очень несчастен.

– Странно это все, – сказала леди, помолчав. – Но думаю и надеюсь, все это окажется не более чем небольшим нервным расстройством.

– Да, мэм, я тоже надеюсь, что дело тут не в терзающих его угрызениях совести, – сказала горничная.

– У нас нет причин подозревать его в чем-то плохом, – сурово произнесла миссис Марстон. – Напротив, он всегда был человеком предельно порядочным.

– Да, конечно, – подтвердила служанка. – Упаси меня господи сказать или подумать о нем что-нибудь дурное. Но я, мэм, просто говорю то, что у меня на уме, и не хочу никому навредить.

– И давно вы замечаете в Мертоне эти прискорбные перемены? – поинтересовалась леди.

– С недавних пор, мэм, – ответила девушка. – Может, неделю, может, чуть больше – по крайней мере, как это стало заметно.

В тот вечер миссис Марстон больше не вела расспросов. Но хоть она и отнеслась к делу довольно легко, все же оно болезненно завладело ее воображением и оставило в душе неопределенный зловещий отпечаток, какой у людей с чувствительным складом ума может предвосхищать приближение неведомых бедствий.

Следующие два-три дня все шло как обычно, без происшествий. По окончании этого краткого перерыва внимание миссис Марстон вернулось к таинственному стремлению верного слуги покинуть дом. Мертон опять предстал перед ней и повторил те же объяснения.

– Знаете, Мертон, все это очень странно, – сказала леди. – Вам здесь нравится, и все-таки вы желаете уйти. Что я должна думать?

– Ох, мэм, – вздохнул слуга. – Мне очень плохо, я весь извелся. Не могу рассказать вам, мэм, честное слово, не могу!

– Если что-нибудь тяготит вашу душу, Мертон, можете поговорить с нашим дорогим священником, доктором Денверсом, – посоветовала леди.

Слуга опустил голову и погрузился в мрачные размышления; потом решительно заявил:

– Нет, мэм, это не поможет.

– Прошу вас, Мертон, скажите, когда вас впервые посетило это желание? – спросила миссис Марстон.

– С тех пор как приехал сэр Уинстон Беркли, мэм, – таков был ответ.

– Сэр Уинстон вас чем-то обидел? – продолжала хозяйка.

– Ничего подобного, мэм, – отозвался слуга. – Он очень добрый джентльмен.

– Тогда, может быть, виноват его слуга? Что он за человек? Достоин ли уважения? – продолжала она расспросы.

– Более чем кто-либо. – Слуга опустил голову.

– Я хочу понять, связано ли ваше желание уйти с сэром Уинстоном или его слугой, – настаивала миссис Марстон.

Слуга помедлил с ответом и неуверенно переступил с ноги на ногу.

– Если не хотите, Мертон, можете не отвечать, – разрешила она.

– Да, мэм, тут они оба замешаны, – через силу ответил он.

– Не понимаю, – сказала она.

Мертон еще немного поколебался.

– Тут дело в том, мэм, что слуга сэра Уинстона мне кое-что сказал, – произнес он с заметным волнением.

– Ладно, Мертон, – вздохнула хозяйка. – Я больше не буду вас расспрашивать. Но должна отметить, что, поскольку его слова, какими бы они ни были, привели вас в такое волнение,

мне кажется, они связаны с безопасностью или с интересами одного человека – не могу сказать кого. В таком случае ваш долг – немедленно известить о случившемся всех, кого это касается.

– Нет, мэм, то, что я узнал, не затронет никого, кроме меня. Другие тоже слышали это, но никто не обратил внимания и не задумался. Не могу больше ничего сказать, мэм, но я очень страдаю и горюю.

При этих словах он горько заплакал.

Миссис Марстон подумала, что, возможно, он сильно повредился рассудком, и она решила поделиться своими подозрениями с мужем. А уж он пусть поступит как считает нужным.

– Не волнуйтесь так, Мертон, я поговорю с вашим хозяином; и можете быть уверены, у меня не возникло ни малейших сомнений в вашей искренности, – очень ласково произнесла миссис Марстон.

– О мэм, вы слишком добры, – проговорил бедняга сквозь рыдания. – Вы, мэм, совсем меня не знаете; до недавнего времени я и сам себя не понимал. Я очень несчастен. Сам себя боюсь, мэм, ужасно боюсь. Видит бог, лучше бы мне умереть на месте.

– Мертон, мне вас очень жалко, – сказала миссис Марстон. – Тем более что я ничем не могу облегчить ваши страдания. Лишь только, как я уже сказала, поговорить с вашим хозяином, он вас отпустит и устроит все, что должно быть сделано.

– Да благословит вас бог, мэм. – С этими словами слуга, все еще сильно взволнованный, ушел.

Мистер Марстон обычно проводил первую половину дня за активными занятиями, и его жена, предполагая, что в этот час он находится где-то далеко от дома, пошла в комнаты к «мадемуазель», располагавшиеся в другом конце просторного дома, чтобы поделиться с ней рассказом о странной просьбе Мертона.

Дойдя до двери мадемуазель де Баррас, она услышала доносящиеся изнутри взволнованные голоса. Миссис Марстон в изумлении остановилась. Голоса принадлежали ее супругу и мадемуазель. В испуге и недоумении она толкнула дверь и вошла. Ее муж сидел, одной рукой сжимая подлокотник кресла, а другую, яростно сжатую в кулак, протянул к несессеру, стоявшему на столе. На потемневшем лице бушевали бешеные страсти, а взгляд был устремлен на француженку, стоявшую чуть поодаль с виноватым и умоляющим видом.

Для миссис Марстон картина была столь неожиданная и ужасающая, что она на несколько секунд замерла, не дыша, и лишь переводила полный ужаса взгляд с мужа на француженку и обратно. На несколько секунд все три фигуры этой странной группы застыли, словно окаменев от ужаса. Потом миссис Марстон отважилась заговорить; однако с ее шевельнувшихся губ не слетело ни звука, и она, потеряв последние силы, в полубморочном состоянии рухнула в кресло.

Марстон встал, бросив свирепый взгляд на юную француженку, и шагнул к двери; там он неуверенно остановился, и в этот миг мадемуазель, обливаясь слезами, бросилась на шею миссис Марстон и с жаром воскликнула:

– Умоляю, мадам, защитите меня от оскорблений и подозрений вашего супруга!

Марстон, стоявший чуть позади жены, впился в гувернантку пылающим взглядом, она ответила тем же и, рыдая, словно обиженное дитя, повисла на шее у несчастной леди.

– Мадам, мадам! Он... мистер Марстон... говорит, что я дерзнула давать вам советы и вмешиваться не в свои дела; что я подбивала вас пойти против его власти. Мадам, заступитесь за меня. Скажите, мадам, разве я когда-нибудь так поступала? Разве я призывала к неповиновению? О, mon Dieu! c'est trop...¹ это уже слишком, мадам! Я должна уехать. Непременно, мадам! За что, ну за что мне это?

---

¹ Боже мой! Это чересчур... (фр.)

При этих словах мадемуазель снова захлебнулась рыданиями и опять столь же многозначительно переглянулась с Марстоном.

– Да, да! Уезжайте! – Марстон шагнул к окну. – Я не потерплю в своем доме шепотков и заговоров; я уже наслышан о ваших доверительных разговорах. Миссис Марстон! – обратился он к жене. – Я намеревался проделать это без лишнего шума; хотел высказать мадемуазель де Баррас свое мнение и отправить ее восвояси без вашей помощи; однако вы, кажется, желаете вмешаться. Вы, разумеется, закадычные приятельницы и в трудных ситуациях друг друга не подводите. Полагаю, что ваше присутствие на этой беседе, которой я намереваюсь завершить карьеру мадемуазель, обусловлено некими действиями этой интриганки?

– Нет, Ричард, она ничего не предпринимала, – ответила миссис Марстон. – Объясни мне, ради бога, что все это означает? – Под влиянием бурных чувств, переполнявших несчастную леди, из ее глаз хлынули слезы.

– Да, мадам, в том-то и дело. Я и сама часто спрашиваю вашего супруга: чем вызван его гнев, его упреки. Что я такого сделала? – перебила мадемуазель. Она выпрямилась с оскорбленным видом и впиалась в Марстона горящим взглядом. – Да, меня называют заговорщицей, злоумышленницей, интриганкой. О мадам, это невыносимо!

– Но, Ричард, что я натворила? – в замешательстве воззвала к мужу несчастная леди. – Чем я тебя обидела?

– Да, да! – не могла остановиться разъяренная француженка. – Какие из ее поступков вы называете неповиновением и неуважением? Да, дорогая мадам, в том-то и вопрос; и если он не может ответить, то разве не жестоко будет называть меня заговорщицей, шпионкой, интриганкой только за то, что я разговариваю с моей дорогой мадам, моей единственной подругой в этих местах?

– Мадемуазель де Баррас, я не нуждаюсь в вашем красноречии; и, простите, миссис Марстон, в вашем тоже, – парировал он. – Мои сведения поступили из надежного источника, и этого достаточно. Разумеется, вы сговорились вести одну и ту же линию. Полагаю, вы готовы поклясться, что никогда не обсуждали между собой мое поведение, мою холодность и отстраненность. Так? Это ведь ваши слова?

– Сэр, я не сделала вам ничего плохого, мадам подтвердит. У меня никогда и в мыслях не было интриговать. Правда, мадам? – настаивала гувернантка. – Вы ведь можете вступиться за меня?

– Мадемуазель де Баррас, я уже сообщил вам свое решение, – перебил Марстон. – И не изменю его. Полагаю, миссис Марстон, на этом мы можем закончить разговор. Разрешите сопроводить вас отсюда.

С этими словами он взял несчастную леди за безвольную руку и вывел за дверь. Мадемуазель осталась стоять в одиночестве посреди своей комнаты, прекрасная, возмущенная, грешная – ни дать ни взять падший ангел. Ее грудь тяжело вздымалась, щеки пылали. Там, со смятением в сердце и с темными мыслями в голове, мы ее до поры до времени и оставим. Перед ней открывались разные пути, но она еще не выбрала ни один из них; заблудший дух, рожденный в вихрях бури, она не знала страха, полагалась только на себя, но так и не нашла путеводной звезды, способной вывести ее из пучины злобы и одиночества.

Вернувшись в свою комнату, миссис Марстон снова и снова перебирала в памяти бурную сцену, столь внезапно разыгравшуюся перед ее глазами. Страшное подозрение, словно удар молнии вспыхнувшее в сердце и в голове у несчастной леди, впоследствии развеялось, а затем показалось и вовсе неверным; однако ужас первого мгновения все никак не желал рассеиваться. Каждая клеточка до сих пор трепетала от сводящей с ума боли и отчаяния. Все последующие события не смогли загладить шока и потрясения первых минут. В этом волнении ее и застала мадемуазель де Баррас, явившаяся к ней в комнату. Француженка намеревалась пустить в ход все свое искусство и закрепить успех, достигнутый поспешным экспромтом в

недавней критической ситуации. По ее словам, она пришла попроситься с дорогой мадам, ибо решительно вознамерилась уехать. Мистер Марстон ворвался к ней в комнату, обрушил на ее голову оскорбления и упреки – абсолютно незаслуженные, как, мол, понимает и сама миссис Марстон. Какими только словами ее не обзывали – и шпионкой, и злоумышленницей; она не в силах этого вынести. Кому-то, очевидно, хотелось добиться ее отъезда, и это ему удалось. Мадемуазель решила отправиться в путь назавтра рано утром, и ничто ее не переубедит и не замедлит; она приняла твердое решение. Француженка продолжала и продолжала свою речь в таком духе, тоном подавленным и грустным, и горько плакала.

Чудовищные подозрения, ненадолго вспыхнувшие в душе у миссис Марстон, по зрелом размышлении начали рассеиваться, однако к моменту появления мадемуазель де Баррас болезненное волнение еще не угасло. Миссис Марстон хорошо знала нрав своего супруга – жестокий, резкий и необузданный; и, хотя он почти не обращал внимания на свою жену, все же ей даже подумалось, что, возможно, его сдает злобная ревность к любому, кто незначительным проявлением симпатии и доверия добился хотя бы малейшего влияния на ее разум. Она не сомневалась, что ему известно содержание ее самых интересных разговоров с мадемуазель де Баррас, ибо он в ее присутствии не раз жестоко укорял француженку за это, а теперь вот и она сама, возмущенная, обиженная, плачущая, ищет у нее убежища от болезненных оскорблений и несправедливых упреков. Такое объяснение казалось ей вполне основательным, все обстоятельства дела указывали в одном и том же направлении, и все мысли и чувства миссис Марстон касательно юной наперсницы вскоре вернулись в привычное русло и потекли, как прежде, спокойно и печально.

Мадемуазель де Баррас с трудолюбием паука усердно штопала сети, разорванные случайным порывом ветра; но если бы она заглянула в мысли Марстона и узнала, какая чудовищная опасность ей угрожала, то была бы напугана и потрясена.

Марстон, как обычно, в одиночестве бродил по самым безлюдным закоулкам своего заброшенного парка. Одной рукой он сжимал тросточку, но не опирался на нее, а размахивал, словно боевым топором, другую руку держал за пазухой. Мрачно глядя в землю, он шагал медленно, но энергично, с видом глубокой решимости. В конце концов он очутился на маленьком кладбище, скрытом среди лесов на дальнем краю его поместья. Посреди кладбища высились разрушенные стены небольшой часовни, увитые плющом и окруженные кустарником, в эту пору окрашенным в багровые осенние тона. Рядом с часовней, в старинном склепе, покоились многие поколения его предков, а под еле заметными холмиками, скрытыми среди папоротника и крапивы, находили последний приют простые деревенские жители. Среди этих неприметных развалин он сел на выбеленный дождями могильный камень и, устремив глаза в землю, отдался на волю вихря жестоких мыслей. Он долго сидел там не шелохнувшись, и постепенно гнусные фантазии и замыслы стали приобретать более определенные очертания. На миг его вывел из забытья ветер, прошелестевший в зарослях плюща; он поднял полные тьмы глаза, и его блуждающий взгляд упал на череп, который чья-то досужая рука установила в расщелину стены. Марстон торопливо отвел взгляд, но почти столь же поспешно снова взгляделся в этот бесстрастный символ смерти. Затем, свирепо сверкнув глазами, он сердитым взмахом трости сбил его со стены в заросли сорняков. Потом ушел и еще долго бродил среди лесов.

– Человек не может контролировать мысли, проплывающие в голове, – бормотал он на ходу. – Как не может направлять тени облаков, проплывающих в вышине. Они приходят и улетают, не оставляя следа. Что же сказать о предзнаменованиях и о том треклятом олицетворении смерти? Чуть! Убийство? Я не способен на убийство. Мне доводилось обнажать шпагу на честной дуэли. Но убийство? Нет! Прочь, дурные мысли, прочь!

Он топнул ногой в припадке ярости и ужаса. Прошел еще немного, опять остановился и, сложив руки на груди, прислонился к старому дереву.

– Мадемуазель де Баррас, *vous êtes une traîtresse*², и вы должны уйти. Да, должны; вы меня обманули, и нам следует расстаться.

Он произнес это с печальной горечью и, помолчав, продолжил:

– Другого возмездия я не потребую, нет. Хотя, смею сказать, ей до этого не будет никакого дела. Никакого.

Он помолчал еще немного и заговорил опять:

– И далее, что касается другого человека... Он уже не впервые ведет себя как пройдоха. Он уже переходил мне дорогу, и при первом же удобном случае я ему все выскажу. С ним я тоже не буду ходить вокруг да около и не пощажу его слух. Пусть получит по заслугам. Он носит шпагу, у меня она тоже есть. Если хочет, пусть обнажит ее; такая возможность у него будет. Но в любом случае я не позволю этому гнусному визитеру надолго задержаться в моем доме.

---

² Вы предательница (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.